

И разве многие из этих лакеев, не говоря уже о самом Великом инквизиторе, не состояли из бывших джедаев, которые согласились служить Империи и оставить своих бывших хозяев? Эта женщина с радостью служила бы в их рядах, если бы пощадили ее ребенка. Ее чувствами можно было воспользоваться. Ее можно было заставить делать что угодно, когда над ее головой висела угроза благополучию ее ребенка. А ребенок... что ж, император может делать с ребенком все, что захочет.

Все это он уже объяснил. В этом предложении не было мягкости.

- Глупо с твоей стороны предлагать мне ребенка, сильного в Силе, - сказал Палпатин, вяло положив руки на подлокотники трона. - А ты не боишься, что я слишком полюблю такого ребенка? Возможно, такой многообещающий ребенок мог бы послужить заменой моему... поврежденному... ученику."

Вейдер не ответил, кроме своего ровного дыхания. Он чувствовал ловушку за этими словами. Император пытался заставить его сказать что-то, о чем он пожалеет.

- Тебе следовало немедленно убить эту женщину, тем более из-за ребенка, которого она носит. Не терпите соперников, лорд Вейдер."

- Да, мой господин."

- Тот факт, что вы не подумали об этом, указывает на мягкость. Либо духа, либо разума."

- Да, мой господин."

- А теперь иди и заверши задание, которое я поставил перед тобой, - сказал Император, небрежно махнув рукой в сторону голограммы безопасности. - Проследи за этим лично. Я буду наблюдать."

- Да, мой господин."

Вейдер повернулся и пошел прочь.

- Я думаю, это будет легче для тебя, Вейдер", - сказал Император ему в спину. - В конце концов, ты не в первый раз убиваешь беременную женщину."

Большинство людей не были бы достаточно проницательны, чтобы заметить небольшую заминку в шаге Вейдера, прежде чем он возобновил смертоносный, целенаправленный шаг. Императором было не большинство людей.

- Пожалуйста, - сказала она. Это было последнее, что она сказала.

Он стоял над ее телом, пока ее душа уходила, растворяясь в Силе. Едкий запах горячей плоти заполнил комнату и проник через респиратор, забивая воздух внутри шлема тошнотворным зловонием. Это напомнило ему, как всегда, о храме джедаев. О Мустафаре. Иногда ему казалось, что это единственный запах, который остался в этом мире.

Жизнь все еще мерцала в ее чреве. Он почувствовал, как оно тянется к Силе, потрясенное и не понимающее, что жизнь его матери исчезает в пустоте. Разум, стоящий за пределами досягаемости, едва ли был разумным. Как животное или дроид низкого уровня, не одаренный сложным ИИ. Разум ребенка, еще не готового к миру.

Разум, который мог созреть для того, чтобы превратиться во что угодно по воле Императора.

Это была пустая трата времени.

Это была пустая трата времени, и единственной причиной этого была демонстрация власти Дарта Сидиуса над ним, чтобы еще раз показать ему, что он был рабом, что все, что он хотел, не было волей его хозяина. Чтобы доказать им обоим, что каким бы бессмысленным ни был поступок, он сделает это. У него не было выбора. Он был всего лишь оружием.

Все, что Палпатин обещал своим улыбающимся человеческим лицом, и это было правдой. Это была награда лорда Вейдера за верную службу. Всю жизнь преданного служения без передышки.

И он все еще был дураком, которому нужно было напомнить. Снова и снова.

Когда жизнь внутри трупа прекратилась, он очень долго стоял совершенно неподвижно, не двигаясь.

Черная ярость поднялась в сердце киборга и ослепила его. Снаружи он был неподвижной темной статуей. Внутри у него была песчаная буря, которая сметала все мысли.

Энакин был далеко, очень далеко.

Придя в себя, он повернулся на каблуках и вышел из камеры. Он оставил то, что осталось, для кого-то другого, какого-то бедного имперца низкого уровня, чтобы убрать. Он шел по залам Императорского дворца, и каждое существо и дроид знали, что не стоит вставать у него на пути.

Император улыбнулся про себя. Ярость доставляла ему удовольствие, даже если она была направлена на него. Тем более, что это была бессильная ярость. Вейдер бушевал, потому что знал свое место.

Конечно, он был прав. Перспектива нерожденного ребенка, отданного Императору, была

соблазнительной. Что можно было сделать с ребенком? Всевозможные идеи пронеслись в его голове. И мать тоже. Эта пара могла бы стать новым экспериментом.

Но сейчас было не время позволять Вейдеру высказывать свои чувства. Ибо это было чистое чувство, Сидиус был уверен в этом. Его ученик был еще очень молод. Ребенку всего 25 лет, мужчина где-то все еще под Владыкой Ситов. Без сомнения, он посмотрел на беременную женщину и вспомнил Падме... вечно эта чертова Падме Амидала.

Она была ключом к похищению Вейдера у джедаев, но даже ее память была угрозой окончательному контролю Сидиуса над его призом. Ее смерть была необходима, и ирония в том, чтобы позволить Вейдеру поверить, что он сам несет ответственность за ее убийство, была восхитительной. И все же в ее воспоминаниях было что-то мученическое, что было прискорбно. Ему хотелось, чтобы все было немного по-другому. Первоначально он планировал, что она проживет еще немного, достаточно долго, чтобы действительно предать своего мужа, таким недвусмысленным образом, чтобы Вейдер не испытывал угрызений совести из-за ее смерти.

В любом случае, он не мог позволить какой-то бледной имитации его нежно ушедшей королевы-ребенка позволить Вейдеру думать, что для него еще есть надежда.

Будут и другие интересные возможности. Это была потеря, но не большая. Это была большая галактика. Его инквизиторы рано или поздно принесут ему что-нибудь еще, что он сможет использовать.

А пока он был очень доволен. Вейдер мог закатывать истерику сколько угодно. Тот факт, что он выполнил приказ, несмотря на гнев, доказывал, что он действительно сломлен, что он принадлежит Палпатину. Навсегда.

<http://tl.rulate.ru/book/23863/1460783>